

Миркович Григорий Григорьевич

О времени пресуществления

**Спор, бывший в Москве во второй
половине XVII-го века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г83

Г83 **Григорий Григорьевич М.**
О времени пресуществления: Спор, бывший в Москве во второй половине XVII-го века /
Миркович Григорий Григорьевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 287 с.

ISBN 978-5-519-96740-2

ISBN 978-5-519-96740-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

его, то не считаетъ нужнымъ касаться, какъ не стоящаго будто-бы ея вниманія. Не много внимательнѣе отнеслась къ нему и отечественная наука; она, можно сказать, только знаетъ о существованіи его, и знаетъ это съ недавняго времени. Почти до самыхъ послѣднихъ поръ вопросъ о времени пресуществленія святыхъ даровъ, рѣшавшійся у насъ въ XVII вѣкѣ, оставался, можно сказать, не тронутымъ; только благодаря изданію редакціей Православнаго Собесѣдника двухъ литературныхъ памятниконъ XVII вѣка, вопросъ этотъ сдѣлался доступнымъ для образованныхъ читателей, хотя въ этихъ двухъ памятникахъ ¹⁾ онъ далеко не исчерпывается. Изъ изслѣдователей впервые коснулся этого вопроса г. Смѣловскій въ статьѣ о братьяхъ Лихудахъ ²⁾. Большую услугу въ этомъ отношеніи для ученыхъ изслѣдователей оказали гг. Горскій и Невоструевъ изданіемъ „Описанія славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки“, ³⁾ въ которой по преимуществу хранится рукописный матеріалъ XVII вѣка, относящійся къ бывшему въ то время спору о времени пресуществленія святыхъ даровъ.

Вотъ и все, на что можно указать въ нашей печатной литературѣ по занимающему насъ вопросу: ни одного спеціальнаго изслѣдованія, нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній въ описаніяхъ разныхъ рукописныхъ бібліотекъ, которыя еще требуютъ приведенія въ систему, нѣсколько

1) Это «Остенъ», Казань, 1865 года и «Мечеть духовный Іоанникіи и Софроніи Лихудовъ», Казань 1866 года. По этимъ памятниками далеко не исчерпывается вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ; множество рукописнаго матеріала, относящагося къ этому предмету, еще не издано, а нѣкоторыя изъ произведеній этого характера считаются даже совсѣмъ погибшими, хотя на самомъ дѣлѣ существуютъ.

2) Журн. Мин. Народ. Просв. 1845 г., ч. 3 и 4. Изъ другихъ изслѣдователей, касающихся этого вопроса потому только, что, при изслѣдованіи избраннаго предмета, не возможно было обойти его, можно указать на ст. г. Образцова «Кіевскіе ученые въ великороссіи» (Эпоха 1865 г., Январь), его же замѣтку о братьяхъ Лихудахъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1867 г., ч. 135), на ст. г. Любимова «Борьба Кіевскихъ ученыхъ въ великороссіи», (Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г., ч. 7—10). Краткія замѣчанія по сему вопросу въ рѣчи о соприкосновенныхъ съ ними дѣятеляхъ можно находить въ Историческомъ словарѣ митр. Евгенія въ обоихъ томахъ, въ Исторіи духовной литературы преосвящен. Филарета и друг.

3) Для насъ особенно важна изъ 2-го отдѣла 3-я часть, въ которой помѣщены разныя богословскія сочиненія. Можно находить, конечно, матеріалъ по сему вопросу и въ описаніяхъ другихъ рукописныхъ бібліотекъ, напр. въ описаніи славяно-русскихъ рукописей Ундольскаго, въ описаніи рукописей гр. Толстаго, Царскаго, Румянцевскаго музеев, Погодинскаго книгохранилища и др., но во всѣхъ этихъ описаніяхъ, нужно замѣтить, довольно краткихъ, читатели найдутъ гораздо меньше того, что содержится въ описаніяхъ Горскаго и Невоструева.

журнальных статей, касающихся этого вопроса, можно сказать, въ силу необходимости, и два литературные памятника въ сыромъ видѣ, ожидающіе еще правильной обработки.

Въ своемъ изслѣдованіи мы руководились преимущественно рукописными источниками, хранящимися въ разныхъ библіотекахъ Московскихъ и Петербургскихъ. Въ числѣ ихъ первое, по своей важности, мѣсто занимаетъ „Акосъ, или врачеваніе, противоположаемое ядовитымъ угрызениямъ змѣвымъ“, соч. братьевъ Лихудовъ, написанное ими въ 1688 г. (Мы пользовались имъ въ рукоп. Москов. Синод. библ. № 440/299, а въ нужныхъ для сравненія случаяхъ и въ рукоп. Импер. Публ. библ. № 334). Въ дополненіе къ сочиненію Лихудовъ „Мечеть духовный“ (изд. Прав. Собесѣдн., Казань, 1866 г.) мы пользовались первымъ выпускомъ его, извѣстнымъ подъ названіемъ: „Диалоги грека учителя къ нѣкому іезуиту о разнствахъ, сущихъ между восточною церковію и западною“ въ рукоп. Имп. Публ. библ. №№ 298 и 383.

Второе мѣсто по своей важности занимаетъ у насъ соч. Медвѣдева и Монастырскаго, подъ заглавіемъ: „Книга о Маннѣ хлѣба животнаго, еже есть о тѣлѣ и крови Христовѣ“. Въ нашей литературѣ сочиненіе это считалось погибшимъ, потому что на соборѣ Московскомъ 1690 г. постановлено было сжечь его, но одинъ экземпляръ его сохранился и находится теперь въ собраніи рукоп. Москов. Синод. библ., неперепл. сборн. № VІІІ. Сочиненіе это пущено въ обращеніе Медвѣдевымъ въ 1687 г. въ м. Ноябрь. Другими сочиненіями Медвѣдева мы пользовались въ рукоп. Москов. Синод. библ. № 440, лл. 125—135 и 99—112; это — „книга, глаголемая хлѣбъ животный“, написанная имъ до пріѣзда Лихудовъ въ Москву и „Тетрадь на Іоанникии и Софроніа Лихудовъ“, которую монахъ Евѣмій, за бранчивый тонъ рѣчи, называлъ „Псонепстоваго нѣкоего безымянника нестовнобrehаніемъ на св. восточную церковь въ лицѣ и имени учителей православныхъ Іоанникии и Софроніа Лихудіевыхъ“; послѣднимъ сочиненіемъ мы пользовались и въ рукоп. Импер. Публ. библ. № 1227. На это сочиненіе Лихуды написали „Показаніе истины“, которому м. Евѣмій далъ названіе: „На псонепстовое бrehаніе отвѣтъ мудрейшихъ учителей Іоанникии и Софроніи Лихудіевыхъ“. Мы пользовались имъ въ рукоп. Москов. Синод. библ. № 440 и въ рукоп. Имп. Публ. библ. № 1227. Изъ сочиненій Монастырскаго у насъ были подъ руками: „Книжца о божественной литургіи“ (Неперепл. рукоп. сборн. Москов. Синод. библ. № 5, лл. 180—246 и рукоп. Имп. Публ. библ. № 668) и возраженіе на „Акосъ“ Лихудовъ (безъ опредѣленнаго заголовка), составленное Монастырскимъ отъ лица всей Малороссійской

церкви, служащее какъ бы продолженіемъ книжицы о божественной литургіи (Непер. рук. сборн. Москов. Синод. библ. № 5, лл. 247—295 и рук. Имп. Публ. библ. № 668); наконецъ сочиненіе его, вовсе неизвѣстное въ литературѣ, единственный экземпляръ котораго хранится въ рукоп. отдѣлѣ Румянц. музея подъ № 1325, подъ названіемъ: „Извѣстіе истинное православнымъ и показаніе свѣтлое о новоправленіи книжномъ и о прочемъ“. Большая часть его направлена противъ Лихудовъ. У насъ подъ руками копія съ этой рукописи.

Изъ сочиненій монаха Евѳимія мы имѣли въ своемъ распоряженіи слѣдующія: критическую замѣтку на сочиненіе Медвѣдева „Хлѣбъ животный“, носящую заглавіе: „Показаніе на подвергъ латинскаго мудрованія, подвергаемый подъ святую восточную православную церковь“, въ рук. Москов. Сн. библ. № 440, лл. 123—124; „Опроверженіе латинскаго ученія о пресуществленіи“, въ рукоп. Москов. Сн. библ. неперепл. сборн. № 5, лл. 376—385 и, наконецъ, „Щитъ вѣры“, огромный рукоп. сборникъ, въ который вошли почти всѣ сочиненія тогдашнихъ полемистовъ по вопросу о пресуществленіи, равно какъ и переписка патр. Іоакима съ малорусскою церковью объ этомъ предметѣ, со множествомъ другихъ статей. Этотъ сборникъ былъ составленъ м. Евѳиміемъ по порученію патр. Іоакима и предназначался къ печати, но не былъ напечатанъ. Мы пользовались имъ въ рукоп. Москов. Сн. библ. № 346 и отчасти въ рукоп. Акад. Наукъ № 51, а также въ Опис. рук. Москов. Синод. библ. II, 3, № 310.

Кромѣ этихъ рукописныхъ источниковъ, главныхъ руководствъ, на основаніи которыхъ излагается нами исторія спора о времени пресуществленія св. даровъ на литургіи въ Москвѣ, во второй половинѣ XVII в., мы сочли своею обязанностію, для полноты дѣла, воспользоваться и другими, болѣе или менѣе цѣльными, ставшими намъ извѣстными рукописными источниками. Сюда принадлежатъ: рукоп. сочиненіе іеродіакона Дамаскина, подъ заглавіемъ „Остенъ“, хранящееся у прот. Яхонтова (въ нынѣшнемъ году о. Яхонтовъ издалъ отдѣльную книгу объ этой рукописи, подъ заглавіемъ „Іеродіаконъ Дамаскинъ, русскій полемистъ XVII вѣка“); мы пользовались отчасти самою рукописью, а больше въ извлеченіяхъ изъ нея въ Духов. Бесѣдѣ за 1865 и 1869 годы; „догматственное учительство святѣйшія восточныя и католическія церкви“ Севаста Климита Трапезунтскаго, въ переводѣ Ѳ. Поликарпова (Рукоп. библ. С.-Пб. духов. акад. № 46 и Соф. библ. № 1233); трактаты Святителя Димитрія Ростовскаго, изъ коихъ одинъ носитъ названіе: „Разсужденіе о пресуществленіи святѣйшей евхаристіи“ (рукоп. Имп. Публ. библ.

№ 181 п рукоп. библ. С.-Пб. духов. акад. № 197), которое мы прилагаемъ въ концѣ книги, а другой— „О освященіи св. пречистыхъ таинъ“, рукоп., приложенная къ печатному изданію книги „Kwiaty koron krolewskich“, Краковъ, 1633 г. Эта рукопись хранится въ Москов. Синод. типографіи подъ №¹²⁸⁴/4000 и въ нашей литературѣ неизвѣстна.

Въ нашемъ трудѣ читатели не мало найдутъ и отрывочныхъ рукописныхъ источниковъ, перечислять которые здѣсь же было бы долго; на нихъ мы всюду дѣлаемъ ссылки въ своихъ мѣстахъ. Считаемъ нужнымъ оговориться, что, приступая къ разбору того или другаго рукописнаго источника, мы, кромѣ ссылокъ на книгохранилища, откуда брали извѣстную рукопись, считали долгомъ указывать и другія книгохранилища, гдѣ можно найти ту или другую рукопись.

О пособіяхъ, т. е. печатной литературѣ по занимающему насъ вопросу мы говорили выше. Къ сказанному считаемъ нужнымъ присовокупить, что, коснувшись Флорентійскаго собора, на которомъ впервые возбужденъ вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ, мы рассказали это по Гардуину (т. IX) и Манси (т. XXXI), найди въ нихъ болѣе подробный рассказъ, чѣмъ у Сиропула. Мы рассмотрѣли съ нужной для насъ стороны огромное число славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ—служебниковъ и требниковъ венеціанскаго, кіевскаго, львовскаго, вилenskaго, стрятинскаго, московскаго и др. изданій, начиная примѣрно съ 1519 г. и кончая 1750 г., чиновишковъ архіерейскаго священнослуженія, начиная съ 1672 года до настоящаго времени, уставовъ церковныхъ съ 1610 г., нѣсколько рукописныхъ древлегреческихъ и древлерусскихъ служебниковъ и чиновишковъ, катихизисы южнорусскаго и московскаго изданій, полемическія сочиненія и богословскіе трактаты преимущественно южнорусскихъ и частью московскихъ изданій.

Въ отдѣлѣ о пользованіи нашими полемистами святоотеческимъ матеріаломъ мы старались по возможности указывать приводимыя ими мѣста въ русскихъ изданіяхъ твореній св. отцевъ и учителей церкви, гдѣ же это оказывалось не возможнымъ, по неимѣнію русскихъ переводовъ,—въ иностранныхъ изданіяхъ древнихъ и новыхъ, смотря по тому, какое изданіе можно было достать для пользованія. Строгаго разбора изданій здѣсь не могло быть: мы рады были всякому, какое ни попадалось подъ руки въ библіотекахъ, въ которыхъ намъ пришлось заниматься.

Благосклонные читатели встрѣтятъ въ основѣ предлагаемаго труда преимущественно рукописную литературу XVII в., вовсе не тронутую печатной литературой или же тронутую ею, какъ мы сказали раньше,

только отчасти, какъ бы мимоходомъ. По этой причинѣ и по новизнѣ дѣла, по отсутствію на русскомъ языкѣ спеціальнаго изслѣдованія вопроса о времени пресуществленія св. даровъ на литургіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предлагаемаго труда, особенно въ изложеніи догматической стороны спорнаго вопроса, приходилось дѣлать большія выписки изъ источниковъ, не всегда впрочемъ удобопонятныя, являлась вслѣдствіе этого необходимость пояснить ихъ русскимъ переводомъ, гдѣ неясность мысли могла затруднить правильное пониманіе. Мы считали это необходимымъ и по другимъ побужденіямъ. Представляя первый опытъ спеціальнаго историческаго изслѣдованія, бывшаго у насъ, во второй половинѣ XVII в., спора о времени пресуществленія св. даровъ, и имѣя при этомъ дѣло преимущественно съ сырымъ матеріаломъ, мы старались обхватить его всесторонне, думая черезъ это сколько нибудь облегчить трудъ будущаго изслѣдователя вопроса о пресуществленіи св. даровъ съ догматико-литургической стороны. Намъ пріятно было-бы не ошибиться въ этомъ разсчетѣ.

Обильная рукописная литература по предмету нашего изслѣдованія, дошедшая до насъ отъ XVII в., указываетъ на полную его серьезность и занимательность. Вопросъ о моментѣ пресуществленія св. даровъ на литургіи былъ у насъ, во второй половинѣ XVII в., втеченіи 10—15 лѣтъ, не только господствующимъ, но исключительнымъ вопросомъ времени; онъ волновалъ умы всѣхъ, рѣшенію его посвящались лучшія умственныя силы того времени и порознь и въ совокупности. Напряженность въ рѣшеніи его тогдашнихъ великорусскихъ умовъ, не приобрѣвшихъ еще снаровки къ ровному, спокойному, вполне хладнокровному обсужденію дѣла, была крайняя, интересъ—всеобщій; для рѣшенія его потребовались совокупныя силы многихъ русскихъ архипастырей, потребовался соборъ. Такая постановка дѣла, такое горячее, сердечное отношеніе къ нему показываютъ, что вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ на литургіи не былъ у насъ, какъ на западѣ, простымъ, чисто ученымъ, вполне кабинетнымъ вопросомъ. Правда, и на западѣ первоначальная постановка этого вопроса на Флорентійскомъ соборѣ и въ слѣдующій за нимъ вѣкъ имѣла много общаго съ постановкою его у насъ въ XVII вѣкѣ: впервые на Флорентійскомъ соборѣ и затѣмъ въ ближайшее къ нему время вопросъ о пресуществленіи выдвигался каждый разъ наружу, когда заходила рѣчь о превосходствѣ той или другой церкви, православной или католической, въ ученіи и въ обрядово-богослужебной ихъ практикѣ. Но въ послѣдующее время постановка этого вопроса на западѣ измѣнилась; изъ жизненнаго онъ сдѣлался чисто кабинетнымъ богословскимъ вопросомъ.

У насъ же вопросъ о времени пресуществленія святыхъ даровъ на литургіи во второй половинѣ XVII вѣка поставленъ былъ такимъ образомъ, что оказался однимъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ своего времени, какихъ наша отечественная исторія представить немного. По своему предмету онъ, конечно, оставался богословскимъ вопросомъ, но въ существѣ дѣла подъ нимъ или за нимъ скрывался другой вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависѣлъ цѣлый строй общественной жизни, перемѣна взглядовъ и господствующаго направленія. Понятна поэтому горячность, обнаруженная великорусскими учеными въ рѣшеніи его. Въ богословскомъ отношеніи спорили стороны, разумѣется, пользовались всевозможными богословскими доказательствами—ссылками на авторитетъ божественнаго Учредителя таинства евхаристіи и Его учениковъ, выписками мѣстъ изъ свещ. писанія, изъ твореній св. отцовъ и учителей церкви, толкованіемъ свещ. преданія, соборныхъ постановленій, пользовались также филологическими и грамматическими тонкостями, риторическими и схоластическими аргументаціями и проч., но сразу было видно, что всѣ эти аргументы употреблялись сколько для рѣшенія спеціальнаго вопроса о времени пресуществленія святыхъ даровъ, столько же, если не болѣе, для рѣшенія того жизненнаго вопроса, который скрывался за нимъ. Вопросъ о пресуществленіи святыхъ даровъ былъ собственно поводомъ, предлогомъ, орудіемъ, точкою опоры для борьбы двухъ противоположныхъ началъ, двухъ принциповъ, двухъ цивилизацій; это былъ остановочный пунктъ на большой дорогѣ исторической жизни русскаго народа, на которомъ встрѣтились представители и проводники двухъ противоположныхъ направленій и, встрѣтившись, не могли ужиться другъ съ другомъ, завязали борьбу на жизнь или на смерть.

Что же это были за идеи, принципы, направленія, столкнувшіеся между собою подъ покровомъ вопроса о времени пресуществленія святыхъ даровъ въ евхаристіи? ¹⁾ Въ чемъ выразилось это столкновение и къ какимъ результатамъ привела начавшаяся вслѣдъ за тѣмъ борьба противоположностей? Это было столкновение стараго направленія съ новымъ,

¹⁾ Почему столкновение произошло на почвѣ церковно-религіозной,—это не трудно понять, если взять во вниманіе, что церковность въ то время представляла первенствующую основу всего русскаго быта, заключала въ себѣ все тогдашнее знаніе, всю ученость, вмѣщала въ себѣ всю область тогдашняго мышленія, которое утверждалось и питалось главнымъ образомъ въ роученіемъ. Церковная книжность для того времени была источникомъ не одного только въ роученія и нравственности, но и всей науки, источникомъ даже общественныхъ понятій и представленій (См. Забѣлины, Опыты изуч. русск. древн. и ист. т. I, Москва, 1872 г., стр. 312).

только еще пускавшимъ въ Москвѣ незамѣтные коряп, но обратившимъ на себя вниманіе, лишь только обнаружилась видная для глазъ его от-
 ростки; это была борьба за ту или другую цивилизацію, за то или
 другое направленіе, греческое или латинское образованіе. Борьбу эту
 правильнѣе будетъ назвать борьбою великорусской цивилизаціи, пони-
 мавшейся тогда въ смыслѣ греческаго образованія, съ малорусской, по-
 нимавшейся тогда въ смыслѣ латино-польскаго образованія. Что подъ
 вопросомъ о времени пресуществленія св. даровъ скрывался именно этотъ
 послѣдній вопросъ, это можно видѣть уже изъ того одного, что въ рѣше-
 ніи собственно вопроса о времени пресуществленія св. даровъ представи-
 тели того и другаго направленія опирались по преимуществу на произве-
 денія греческой или латинской письменности, черпали изъ нихъ свои
 доказательства, старались вслѣдствіе защитить ихъ отъ нападеній противо-
 положной партіи и выставить въ непривлекательномъ свѣтѣ то, что
 составляло точку опоры для противниковъ. Грекамъ нужно слѣдовать
 во всемъ, какъ и въ вопросѣ о времени пресуществленія св. даровъ, за-
 являютъ сторонники одной партіи, „всегда (бо) свѣтъ быша Грцы и
 будутъ даже до скончанія вѣка; и отъ Грекъ свѣтъ пріиша и приемятъ
 вси языки или писано или не писано, или отъ трудовъ и списаній гре-
 ческихъ, или изъ устъ отъ ученія ихъ како либо отъ нихъ и чрезъ
 нихъ видятъ и нѣи языцы; вси философы грецы, вси богословы грецы;
 не послѣдующіи же снмъ, несмысленніи и неаказанніи, и буиш, и сего
 ради речеси и сіе: всякъ не еллинъ варваръ“ ¹⁾). „Латинницы же вездѣ
 во всѣхъ лгутъ на св. восточную Церковь; отъ сего показуется, яко и
 все латинское суемудріе, не согласное свѣтѣй восточнѣй православнѣй
 церкви, не есть древле преданное и истинное, но новоумышленное и
 лживое; лживость же не есть отъ Бога, но отъ діавола“, ²⁾ заявляетъ
 другой сторонникъ этой партіи. Но какъ же вѣрить Грекамъ, возражаютъ
 сторонники противоположной партіи, когда „не откуду инуду таковое въ
 московскомъ царствіи въ вѣрѣ православнѣй сотворися разнствіе, точію
 отъ новыхъ греческихъ печатныхъ книгъ, которыя во градѣхъ латинскія
 вѣры и люторскія и кальвинскія ереси печатаются и съ греческими древними
 рукописными книгами не согласуются“ ³⁾).

¹⁾ Агось, рукоп. Москов. Синод. библ. № 440, л. 34.

²⁾ Опроверженіе латинскаго ученія о пресуществленіи, рукоп. неперепл. сбори. Москов. Синод. библ. № 5, л. 383.

³⁾ «Извѣстіе истинное православнымъ и показаніе свѣтлое о новоправленіи книж-
 номъ и о прочемъ», сочиненіе Иннокентія Монастырскаго, направленное противъ Лиху-
 довъ, рукоп. Румянц. муз. № 1325.

Съ другой стороны не все же „Римляне держать церкви святѣй не-
согласное и не истинное“ старается опровергнуть вышеприведенное возра-
женіе сторонникъ противоположной партіи; напротивъ, „они многая церкви
святѣй восточнѣй держать согласное и издревле пріятное, а не новое. И того
ради они за оно, яже со святою церковью издревле преданная держать
согласно, не суть достойны гажденія, но похваленія и яко о пресущест-
вленіи то христово ученіе держать они неизмѣнно, и то они творить добрѣ,
а не злѣ“ ¹⁾. Смѣшно сказать, говорятъ о грекахъ тотъ же возражатель
въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія, смѣшно сказать, что „елико въ Россіи
Грековъ духовнаго чина пріѣзжають, то оныхъ наши духовные едва не
всѣхъ выпрашиваютъ: како они нынѣ вѣрятъ и како у нихъ въ чинахъ
церковныхъ творится, дабы и намъ съ вами всегда во всемъ быть соглас-
нымъ. И еже они повѣдаютъ: нынѣ у насъ сице и сице творится, то и наши
духовніи, не справясь о ономъ съ писаніемъ древнихъ св. отцевъ и со уста-
вами, абіе яко младенцы, учителемъ уподобляющеся, весьма тщатся по
словеси грековъ такожде творити. А оныхъ грековъ спросити не хотятъ,
такъ ли прежде у нихъ издревле была или не такъ и чесо ради нынѣ
у нихъ такое бысть премѣненіе, дабы они о томъ писаніемъ отвѣтъ дали,
и оное бы ихъ писаніе согласити здѣ съ писаніемъ древнихъ св. отцевъ
и со уставы, и согласная бы и правая держати, а не согласная и ново
отъ нихъ вводная отрѣвати“. Точно также со всею строгостью нужно
относиться и къ новопечатнымъ греческимъ книгамъ, которыя печатаются
въ разныхъ нѣмецкихъ странахъ и съ старыми греческими книгами не
согласны; греки приносятъ ихъ въ Россію, возмущаютъ чрезъ нихъ рус-
скій народъ и въ вѣрѣ усумнѣніе творятъ. „Увы, нашему такому не-
разумію, ему же вся вселенная смѣется! Не точію же та, но и сами тѣ
нововѣзжіе греки смѣются и глаголютъ: Русь глупая, ничтоже свѣду-
щая. И не точію тако глаголютъ, но и свиніями насъ быти нарицають,
вѣщающе сице: мы куды хотимъ, тамо духовныхъ сихъ и обратимъ, ви-
димъ бо ихъ ничтоже самихъ знающихъ, и намъ, яко безловесны суще,
во всемъ, въ немъ же хотимъ, послѣдствуютъ“ ²⁾. Такія мысли о зна-
ченія греческой и латинской письменности, греческаго и латинскаго влі-
янія въ Россіи XVII в. проводились спорящими сторонами о времени пре-
существленія св. даровъ на литургіи. Что суть дѣла дѣйствительно за-
ключалась въ этомъ вліяніи, это яснѣе всего можно видѣть изъ того,

¹⁾ Книга о Маниѣ хлѣба живот., соч. Медвѣдева, рукоп. непереплет. сборникъ
Москов. Синод. библ. № VIII, л. 444.

²⁾ Тамъ же, лл. 36—37.

что рядомъ съ вопросомъ о времени пресуществленія св. даровъ въ одно и тоже время весьма настойчиво выдвигался и вполне серьезно поставленъ былъ самостоятельный вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ греческаго и латинскаго образованія. Но чтобы правильно понять постановку его, необходимо указать причины, обусловившія появленіе и развитіе его у насъ въ XVII вѣкѣ.

Какъ ни страннымъ можетъ показаться на первый взглядъ, но несомнѣненъ фактъ, что и спеціальныи вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ на литургіи и вопросъ о превосходствѣ греческаго или латинскаго образованія у насъ, въ XVII в., былъ возбужденъ малорусскими пришельцами. Приглашенные въ Москву „для риторическаго ученія и перевода греческихъ книгъ“ сначала не въ большомъ числѣ, малорусскіе ученые начали наводнить великороссію особенно со времени присоединенія ихъ страны къ московскому царству: вслѣдъ за Епифаніемъ Славинецкимъ, вызваннымъ съ братією въ 1649 году „милостивымъ мужемъ“ Ѳедоромъ Ртищевымъ для заведеннаго имъ Андреевскаго училища, прибылъ въ Москву, въ 1664 г., извѣстный Симеонъ Полоцкій, а за нимъ и многіе другіе. Для просвѣщенія великороссіи, въ которомъ въ то время чувствовался здѣсь большой недостатокъ, это было въ пору; но, къ несчастію, воспитанные въ противоположныхъ направленіяхъ, эти два видные пришельцы—Славинецкій и Полоцкій сочли нужнымъ и въ Москвѣ популяризировать ихъ ¹⁾. Епифаній Славинецкій больше расположенъ былъ къ греческому образованію, Симеонъ же Полоцкій—къ латинскому; Епифаній, какъ человѣкъ, по истинѣ, ученый, не пренебрегалъ совершенно латинскимъ образованіемъ, но, однако же, отдавалъ предпочтеніе и защищалъ греческое образованіе. Было время, когда онъ, по его собственнымъ словамъ, „вмалѣ не прельстился латинскаго мудрованія лестію“; но это

¹⁾ Разность въ направленіи Епифанія Славинецкаго и Симеона Полоцкаго ничѣмъ инымъ нельзя объяснить, какъ только ихъ воспитаніемъ. Первый воспитывался въ толькo что преобразованной тогда Могиланской школѣ, которая на первыхъ порахъ послѣ преобразования, естественно, не могла стать въ совершенный разрѣзъ съ прежней богоявленской братской школой, въ которой такъ же какъ и въ богоявленской школѣ на первыхъ порахъ необходимо должны были преподаваться оба языка—греческій и латинскій. (Что на первыхъ порахъ и въ школѣ Могилы были знатоки греческаго языка, въ родѣ Епифанія Славинецкаго, см. объ этомъ статью г. Пекарскаго о кievскихъ ученыхъ въ Отечеств. запискахъ 1862 г., Февраль и Мартъ). Симеонъ же Полоцкій учился въ Могиланской школѣ въ то время, когда латинскій языкъ былъ въ ней исключительнымъ языкомъ преподаванія, когда онъ стоялъ въ школѣ выше даже своего роднаго языка, когда на немъ и книги писались и уроки преподавались. Помятнa отселѣ разность ихъ направленія.

было только временное недоразумѣніе, пропсшедшее оттого, что „не прочитай св. отцевъ писаній греческихъ книгъ, читалъ точію латинскія“; а когда, „озарився благодатію Св. Духа“, началъ „прочитати греческія книги, тогда, продолжаетъ онъ, леств латинскую познавъ, и въ писаніяхъ ихъ новшество и блуды и растлѣнія уразумѣхъ, и вси ихъ оплевахъ, за аще вся лжию и противно святымъ древнимъ отцемъ пишуть. И оттолѣ писяхъ, яже писяхъ, съ греческихъ книгъ, и себѣ написахъ книгу греческимъ діалектомъ, собравъ разумѣнія св. отецъ множайшихъ, яже всегда прочиталъ; латинская же мудрованіи отвергохъ... О како веліе есть благо; послѣ всего сказаннаго восклицаетъ онъ,—„ясная ученіи греческаго луча, ею же мрачная невѣдѣнія тма разрѣшается, востокъ и западъ озарится, сѣверъ и югъ просвѣщается и вси вселенная облистана бываетъ¹⁾“. Симеонъ же Полоцкій, хотя нѣсколько и зналъ по гречески, но любилъ больше латинское образованіе: „книги латинскія токмо чтыше“, замѣчаетъ о немъ патр. Іоакимъ,—„греческихъ же книгъ чтенію не быше искусень, того ради мудрствоваше латинская новомышленія права быти“²⁾.

Оба эти видные представители кіевской учености въ великороссіи XVІІ в. имѣли свои школы: Епифаній Андреевское училище, переименованное патр. Никономъ въ Чудовское, въ честь монастыря, въ которомъ оно при немъ было помѣщено, а Симеонъ Спасскую школу, основанную имъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву (около 1665 г.) для того, чтобы учиться въ ней „по латынямъ“ и для „граматичнаго ученья“ молодыхъ людей приказа тайныхъ дѣлъ, то есть собственной кабинетной канцеляріи государя. Понятно, что школы эти были лучшими орудіями для проведенія ихъ направленія, для передачи ихъ личныхъ особенностей, личнаго склада ума и симпатій. Мы дѣйствительно и видимъ, что въ училищѣ Славинецкаго преподаваніе велось въ греческомъ, строго-православномъ духѣ и направленіи, на греческомъ и славянскомъ языкахъ; напротивъ, въ школѣ Полоцкаго латынь была главнымъ, если не исключительнымъ, предметомъ преподаванія, ко-

1) Рукоп. Соф. библ., что нынѣ въ Спб. дух. академ., № 423.

2) «Остенъ», изд. Прав. Собесѣдн. 1865 г., стр. 130. Въ другомъ мѣстѣ патр. Іоакимъ говоритъ, что Полоцкій даже вовсе не зналъ греческаго языка: «учися (онъ), яко обычай есть полякомъ и литвиномъ, по латински и по польски, греческаго же писанія ничтоже знааше» (тамъ же, стр. 71); тоже говоритъ о немъ и монахъ Евѣній, рассказывая, почему Славинецкій не допустилъ Полоцкаго къ участію въ исправленіи славянскаго перевода библіи; «за не аще и ученъ бѣ и знааше нѣчто, но латински точію, гречески же ниже малѣйше (?) что либо знааше» (Истор. слов. митр. Евгенія, ч. 1, стр. 180—181). По этимъ крайнимъ свидѣтельствамъ противниковъ Полоцкаго трудно вѣрится.